

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

О. Г. Большаков

О ПРИЧИНАХ ОТСУТСТВИЯ ГОРОДСКОЙ АВТОНОМИИ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ

Интенсивное изучение социально-экономического строя и внутренней жизни средневекового мусульманского города, начатое четверть века назад Кл. Каэном, показало, что до XI в. он развивался параллельно с западноевропейским и не имел от него принципиальных отличий.¹ Поэтому естественно думать, что борьба горожан Ближнего Востока за автономию, развернувшаяся в XI-XII вв., и возникновение в то же время в Западной Европе городов-коммун являются одним и тем же закономерным этапом на пути развития общества от феодализма к капитализму. Экономическое развитие мусульманского Востока допускает такое предположение. Э. Аптор в последней монографии по экономической истории Ближнего Востока в средние века высказывает мысль, что при Аббасидах экономика достигла уровня прекапитализма, и борьба между буржуазией и феодалами была одним из лейтмотивов истории.² Некоторые советские ученые считают даже, что мусульманский Восток в X-XII вв. находился на уровне Западной Европы в эпоху Ренессанса.³

Так это или не так, но исход борьбы горожан в этих двух регионах оказался различным: в Западной Европе города добились автономии, особого городского права и вскоре после этого начался неуклонный подъем экономики, а на мусульманском Востоке города остались под управлением государственных чиновников, экономическое же развитие замедлилось. Естественно возникает вопрос: в чем причины поражения горожан Востока и не повлияло ли отсутствие городской автономии на стагнацию экономики?

На первую половину вопроса обычно отвечают, что успеху горожан препятствовало военное превосходство государства. Действительно, силы отдельного (даже большого) города были несопоставимы с военной мощью среднего государства, и поэтому сепаратистское

движение горожан имело успех только в периоды ослабления государственной власти. Однако это не объясняет, почему в тех случаях, когда города добивались политической независимости, в них не возникало ничего подобного коммунам, даже если независимость сохранялась длительное время. Так, Тарабундус был независим в течение 40 лет (1070—1109 гг.), а Бухарой в течение века перед монгольским завоеванием правили местные райсы-садрн.

Картина не меняется и в том случае, если во главе города становился выходец из городских низов, как это было в Амиде, которым четверть века правил бывший носильщик.⁴ Во всех случаях меняются лица, а не система управления.

Важнее всего, пожалуй, то, что ни одно из городских восстаний не выдвигало лозунга установления самоуправления или предоставления горожанам особых прав. Горожане боролись против конкретных злоупотреблений и притеснений властей. Даже в сутубо теоретических сочинениях средневековых авторов, трактовавших об идеальном устройстве общества, мы не находим мысли о желательности городского самоуправления или особых прав для горожан.

Трудно поверить, чтобы это было следствием военного превосходства государства. Нельзя это объяснить и неразвитым самосознанием горожан: как показал С.Д.Гойтейн, оно было четко выражено уже в VIII—IX вв.⁵ Следовательно, причины безразличия горожан к проблемам самоуправления надо искать глубже — в специфике положения города и горожан в мусульманском обществе.

Мусульманское право, созданное трудами правоведов-горожан, стояло на защите интересов именно горожан, оно было более буржуазно, чем то общество, которое оно должно было обслуживать. Для него характерен малый интерес к аграрным отношениям, которые касались 80—90% населения, в нем нет места для характерных форм феодальных отношений (например, условного землевладения): все рассматривается с позиции купли-продажи.

Наиболее отчетливо классовая тенденциозность мусульманского права проявляется в нормах налогообложения. Капитал в товарах и драгоценных металлах облагался закатом в размере 2,5%, что равнялось примерно 1/8 годового дохода, а закат (ушр) с земель составлял 10% урожая, то есть примерно 1/6 чистой прибыли; кроме того необлагаемый минимум в первом случае равнялся 20 динарам, а во втором — 5 васкам (1 т) зерна или фиников, что в нормальных условиях стоило 5—10 динаров. В действительности контраст был еще больше, так как значительная часть земель облагалась харад-

жем, достигавшим половины урожая, а земли под застройкой в городе и сами доходные постройки в городе налогообложению не подлежали.

Всякие торговые сборы и пошлины (мукус, ушур), которые государство налагало сверх заката, считались незаконными и противоречащими шариату. В одном из самых ранних юридических сочинений, "Китаб ал-амвал" Абу Убайда, мы находим хадисы, которые грозят сборщикам этих налогов адским пламенем, а один даже гласит: "Кто встретит сборщика ушра, пусть отрубит ему голову".⁶ Подобные хадисы есть и в канонических сборниках.

Словом, идеальное государство, по представлениям мусульманских правоведов, должно существовать за счет налогов с подданных второго сорта — крестьян и иноверцев — и обеспечивать безбедное существование бюргерской элиты, свободной от государственных налогов. Правитель при этом должен руководствоваться правовыми нормами, созданными факихами-горожанами, а проводить их в жизнь надлежит кади, который, как правило, происходил из тех же городских кругов.

Действительность, конечно, была далека от этого идеала, но в ней имелась реальная основа для таких построений. Средневековый мусульманский город был не только политическим центром своего административного округа, но и резиденцией значительной части землевладельцев. В город стекалась основная масса прибавочного продукта земледелия в виде государственных налогов и земельной ренты.

Материал Египта XII-XIV вв. позволяет довольно точно определить объем этих поступлений: 2 млн. га обрабатываемых земель давали продукции примерно на 18 млн. динаров. Из этого количества примерно 5 млн. динаров в натуре и деньгами взимались в виде различных налогов, почти полностью поступающих в город, кроме того еще 3 млн. динаров отчуждалось в виде земельной ренты, из которой не менее 2 млн. поступало в город. Таким образом в городах концентрировалось не менее 1/3 всего продукта, произведенного в сельском хозяйстве. Львиная доля этого богатства поглощалась двором, армией и крупными землевладельцами, но затем из этих средств оплачивались лица обслуживающих профессий, на базаре в процессе торговли часть средств оседала в руках купечества и частично попадала в руки ремесленников, обеспечивая им более высокий жизненный уровень, чем крестьянам.

Сравнивая, например, средний доход крестьянина, арендующего землю, и ремесленника, арендующего мастерскую, мы видим, что

первый получал в год около 14-15 динаров, а второй - 18-19 динаров.

Замаскированная форма присвоения прибавочного продукта земледельца горожанами создавала у них приятную иллюзию возникновения богатства непосредственно на базаре. Недаром появился хадис "Базары - накрытые столы Всевышнего, тот, кто туда приходит, получает свою долю".⁷

Противоположные позиции горожан и крестьян по отношению к прибавочному продукту общества создаст совершенно очевидную противоположность между городом и деревней на средневековом мусульманском Востоке, которую отрицают некоторые западные востоковеды.⁸ Отличие города от деревни заключалось не в его правовом оформлении или типе застройки, а в том, что деревня отдавала не менее 30% своего продукта городу без эквивалентного возмещения.

Таким образом мы видим, что горожане были в целом привилегированной частью общества, положение их существенно отличалось от положения горожан Западной Европы того же времени, прежде всего из-за отсутствия на мусульманском Востоке юридически оформленного сословного деления. Теоретически все мусульмане были равны перед законом и отличались не разным объемом прав, а имущественным или социальным положением. Господствующая система права обеспечивала горожанам реальные налоговые привилегии, а юрисдикция принадлежала судьям-горожанам.

Все это определяло отличия городских восстаний и их идеологии на Западе и на мусульманском Востоке. По существу все требования горожан Западной Европы были здесь осуществлены или теоретически гарантированы шариатом, в котором выразились идеалы мусульманского буржуазства. Поэтому городская автономия сама по себе была ему не нужна, его вполне устраивал статус кво при условии соблюдения государством привилегий, предусмотренных шариатом. Борьба шла именно за эти четко сформулированные привилегии, возведенные в ранг религиозного закона. За религиозными лозунгами городских движений на мусульманском Востоке скрывались вполне реальные экономические цели.

Труднее ответить на вопрос: повлияло ли это обстоятельство на ход экономического развития Востока? Думается, что стагнация экономики имела чисто экономические причины, выяснение которых требует специального монографического исследования.

I. Cl. Cahen, *Mouvements populaire et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen age.* - Arabica, 6, 1959, с.259.

2. E.Ashtor, A social and economic history of Near East in the middle ages. London, 1976, с.112,114.
3. В.К.Чалоян, Армянский ренессанс. М., 1963; Н.И.Конрад, Запад и Восток. М., 1972; И.С.Брагинский, 12 миниатюр. От Рудаки до Джами. М., 1976; А.А.Гаджиев, Ренессанс и ренессансный город, --- Изв. АН Аз.ССР, сер. литературы, языка и истории № 3, 1977, с.41-50.
4. Книга ал-Фарики ли Ахмад ибн ал-Азрак ал-Фарики, хаккакаху ва каддама лаху Бадави Абд ал-Латиф, ал-Кахира, 1379/1959.
5. S.D.Goitein, The rise of Middle-Eastern bourgeoisie in early islamic times. - Studies in islamic history and institutions, Leiden, 1966, с.217-241.
6. Книга ал-амвал ли-л-имам Аби Убайд ал-Касим..., саххахаху ва аллака хавалихи Мухаммад Хамид ал-Факки. Ал-Кахира, 1353 (1934), №№ 1629-1634.
7. Ихйа улум ад-дин ли-л-имам Аби Хамид Мухаммад ал-Газали. т.П, 1302 (1885), с.123.
8. I.M.Lapidus, Muslim cities and islamic societies. - Middle Eastern Cities. A symposium on ancient, islamic and contemporary Middle Eastern urbanism. Berkeley and Los Angeles, 1969, с.73.

Е.И.Васильева

О КОЧЕВНИКАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КУРДИСТАНА

Средневековые арабские историки употребляли этноним "курд" для обозначения кочевых или полукочевых племен, которые не были арабами или турками. В их сочинениях курдами назывались даже кочевники Хузистана - племена, говорившие на арабском языке. Таким образом, курды для них служили олицетворением кочевничества. Аналогичное мнение встречалось в публикациях западноевропейских путешественников и разделялось многими авторами.

Что же представляли собой курдские кочевники и может ли служить курдская модель социально-экономических отношений символом нomaдизма? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере ситуации в Юго-Восточном Курдистане.

Страну, населенную курдами, сравнивают по форме с полумесяцем, простирающимся с северо-запада на юго-восток. Спинной хребет юго-восточной части этого полумесяца составляют хребты Загросских гор. С юго-западной стороны они постепенно понижаются крутыми складками в направлении месопотамской долины, на севере и северо-востоке переходят в возвышенное плато. Эту часть Курдистана - горы Загроса и прилегающие к ним долины между Дивалой и Малым За-